

УДК 811.161.1

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЯДЫ
НА БАЗЕ ВОСТОЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ
СТАРОРУССКОГО ПЕРИОДА**

Г.Х. Гилязетдинова

Аннотация

В статье рассматриваются словообразовательные возможности восточных заимствований в русском языке определенного хронологического среза – старорусского периода (XV – XVII вв.). Выявляется неодинаковая словообразовательная активность ориентализмов, обусловленная как особенностями самих заимствованных лексем, так и адаптационными возможностями языка-рецептора. Представлены словообразовательные ряды (цепочки) производных номинаций в виде деривационных моделей, свидетельствующие о степени словообразовательного потенциала исследуемых заимствований.

Ключевые слова: восточные заимствования, старорусский период, словообразовательные ряды, деривационные модели.

Как известно, процесс словообразовательной адаптации иноязычных слов в системе языка-рецептора – явление довольно сложное и неоднородное. Имеется достаточное количество работ, посвященных изучению словообразовательной активности восточных заимствований в русском языке. Среди них можно назвать работы Л.С. Бургановой [1], А.Ж. Умурзаковой [2], Р.А. Юналеевой, Р.Г. Гатаулиной [3] и др. Особого внимания заслуживает монографическое исследование В.Г. Демьянова «Иноязычная лексика в истории русского языка XI – XVII вв. Проблемы морфологической адаптации» [4], в одном из разделов которого автор дает полное представление о словообразовательной структуре иноязычных слов (в том числе и тюркских заимствований) в истории русского языка. Интерес вызывает рассмотрение В.Г. Демьяновым однородного в генетическом плане (иноязычного) пласта русской лексики. Данный подход вполне оправдан, и это позволяет в полной мере определить степень продуктивности тех или иных явлений в истории словообразования. В.Г. Демьянов справедливо замечает: «Описание способов вхождения иноязычного слова в словообразовательную систему русского языка XI – XVII вв. представляется задачей актуальной» [4, с. 272]. Не менее важной является задача, связанная с выяснением места и роли восточных заимствований в словообразовательной системе русского языка определенного исторического периода, и прежде всего – старорусского (XV – XVII вв.). Основными источниками могут быть разножанровые памятники анализируемого периода (повести, сказания, хождения, публицистические

тексты, деловая и бытовая письменность). Дополнительные сведения предоставляют материалы исследований по истории русского языка и данные различных словарей (исторических, этимологических и др.).

Следует особо подчеркнуть, что «словообразование в своей сущности исторично» [5, с. 154]. При этом комплексный, синхронно-диахронический анализ словообразовательных процессов позволяет всесторонне исследовать появление новых слов в динамике словообразовательной системы.

Словообразовательная структура заимствованного слова отличается от структуры, которую оно имеет в языке-источнике. В подавляющем большинстве случаев происходит деэтимологизация производных заимствований на чужой почве, результатом которой становится опрощение. Вот почему только этимологически в таких заимствованиях возможно вычлениить какие-либо аффиксы. В.А. Богородицкий в своих «Университетских чтениях» представил наиболее употребительные суффиксы в заимствованиях из самых разных языков, являющиеся своеобразными определителями языков-источников (греческого: *-ист, -ит, -ада*; латинского: *-ус, -тор, -анция*, татарского и монгольского: *-лык, -мак, -ан* и др.) [6]. В редких случаях суффикс в составе частотных заимствований сохраняет свой морфемный статус на русской почве. Например, у ряда тюркизмов, обозначающих лицо мужского пола по должности (*арбачей* ‘возчик, сопровождающий арбу’, *накрачий/накрачей* ‘музыкант, играющий на бубне’, *сурначей* ‘тот, кто играет на сурне’ и др.), вычленился суффикс *-чий/-чей*, который присоединялся и к русской производящей основе (*думчий, певчий, стряпчий*), проявляя определенную функциональную активность в языке исследуемого периода. Данная модель в старорусский период была живой, хотя и относительно непродуктивной [7, с. 91]. В современном русском языке заимствованный суффикс *-ачей* сохранился лишь в некоторых словах типа *казначей, домрачей* (устар.) и др.

Что касается непрямых восточных слов, то они, заимствуясь русским языком, ассимилируются и приобретают иную морфологическую структуру в результате процесса переработки [8]. В этом случае заимствованное слово получает морфологическую членимость в языке-рецепторе.

Восточные заимствования проявляют разную словообразовательную активность в русском языке XV – XVII вв. Выделяются слова с ограниченным, точнее говоря, с нулевым словообразовательным потенциалом, к которым относится экзотическая лексика, недостаточно ассимилированная в русском языке и воспринимаемая как чужеродная. Подобная лексика частотна в хождениях, что обусловлено особенностями самого жанра путешествий, связанного с описанием реалий чужих стран. Обнаруженные экзотические ориентализмы, в большинстве своем обозначающие конкретные предметы, представлены такими лексико-тематическими группами, как наименования драгоценных камней (*ахик* ‘сердолик’, *бабогури* ‘белый агат’), типов ткани (*алача* ‘шелковая или бумажная полосатая ткань’), денежных единиц (*абаса* ‘персидская серебряная монета’, *тумень* ‘золотая персидская монета’, *шитель* ‘серебряная монета’), представителей растительного и животного мира (*арпа* ‘ячмень’, *зензебиль* ‘имбирь’, *ногут* ‘горох’, *бабр* ‘тигр’), предметов быта (*чирак* ‘подсвечник’), наименований напитков (*раки* ‘виноградное вино’, *чихир* ‘крепкое красное вино’), названий

отдельных сооружений (*караван-сарай*, *кафа* ‘кофейня’, *киюз* ‘киоск’, *хан* ‘постоялый двор, трактир’) и др. Встречаются лексико-тематические разряды экзотизмов, обозначающих административно-территориальные единицы (*коитул* ‘ставка хана’), должности и чины представителей различных сословий (*дорога* ‘правительственный чиновник’, *уздень* ‘представитель феодальной знати на Кавказе’). Некоторые из них необходимо отнести к области религиозной терминологии (*байрам-науруз* ‘мусульманский праздник’, *кешиш* ‘священник’, *курбан* ‘жертва’, *мулла*, *ших/шейх* ‘святой’). Ср.: *В тѣ же дни у них орютъ да сѣютъ пшеицу, да тутурганъ, ногут, да все съястное* (Х. Афан. Никит., с. 14), *И выедет дорога, а по нашему городовоу боярин* (Х. Котова, с. 49), Экзотизмы, употребляющиеся преимущественно для обозначения званий и титулов восточных правителей, духовенства, встречаются особенно часто в исторических повестях и сказаниях, публицистических текстах. Ср.: *алпаут* ‘приближенный хана (в золотой Орде)’ в «Сказании о Мамаевом побоище» (XV в.), *аминь* ‘высокопоставленное лицо при дворе’, *кадый* ‘мусульманский судья, кадий’, *шибош* ‘уголовный судья’ в публицистических сочинениях Ивана Пересветова (XVI в.), *абаз/абыз* ‘священнослужитель у мусульман’, *амир* ‘титул правителя’, *карач* ‘представитель высшей знати у крымских и казанских татар’, *молва* ‘мулла’ у Андрея Курбского в «Истории о великом князе Московском» (XVI в.) и др. Например: *Абие изыдоша во срѣтение нашихъ абазы ихъ, сеиты, молвы, предѣ великимъ бискупомъ, а по ихъ съ великимъ... амиромъ, имянемъ Кулишерифъ-молвою* (Курб. Ист., с. 198), *Да послал [Магмет салтан] по градом судии свои, наши верныя и кадыи и шибошии и амины, велел судити прямо* (Ив. Пересветов, с. 153). Как правило, приведенные слова относятся к числу непрямых, так как заимствуются в основном своем облике, практически не подвергаясь ассимиляции в языке-рецепторе и сохраняя свою иноязычность. Однако некоторые довольно распространенные экзотизмы, обозначающие различного рода наименования лиц мужского пола, а также являющиеся наименованиями восточных званий, титулов, должностей, могли выступать в качестве производящих при образовании притяжательных аффиксов с общим значением принадлежности, осложняясь формантами *-ов/-ев*, *-ин*, *-ск(ий)*. Ср.: *калга* ‘первое лицо после хана у крымских татар’ – *калгин*, *нурадин* ‘член правящей династии’ – *нурадинов*, *паша* – *пашин*, *салтан* – *салтанов*, *хан* – *ханский*: *съ калгиныхъ и съ нурадиновыхъ и царевыхъ ближнихъ людей* (Переп. Мих. Фед., с.30), *ханского сына и дву пашиныхъ детей и иныхъ знатныхъ людей убили много* (Грамотки, с. 130).

Наряду с указанными непрямыми восточными заимствованиями особый интерес вызывают производные ориентализмы, относящиеся к числу употребительных лексем, осложненные самыми разнообразными словообразовательными морфемами и созданные по моделям русского словопроизводства. Выявление и изучение словообразовательных цепочек, или рядов, создает прочную основу для выводов о степени словообразовательной освоенности заимствования. Дериватологи определяют словообразовательную цепь как ряд слов, связанных между собой отношениями последовательной производности [9, с. 51; 10, с. 41]. Исследуемый материал, а также привлеченные данные Словаря русского языка XI–XVII вв. позволяют классифицировать результаты

последовательной деривации на базе ориентализмов в виде моделей или тех или иных словообразовательных рядов (цепочек). Исходным словом в ряду (цепочке) является заимствованное имя существительное, которое, будучи непроизводным, выполняет функцию производящего. Материалы исследования позволили выявить несколько деривационных рядов как по количеству производных, так и по основным моделям их образования.

Самыми распространенными оказались двучленные ряды, организованные по модели «существительное → отсубстантивное существительное», в которых производное имя оформляется суффиксами типа *-ец*, *-ник*, *-к(а)* и др. с общим словообразовательным значением наименования лица: *жемчуг* → *жемчужник* 'торговец жемчугом или искатель жемчуга', *колымага* → *колымажник*, *нагара* 'ударный музыкальный инструмент' → *нагарник*, *тафья* 'шапочка' → *тафейник*, *шуба* → *шубник*; наименования женского пола по мужскому: *бобыль* → *бобылиха*, *боярин* → *боярыня*, *вор* → *воруха*, название предмета с экспрессивно-оценочными (уменьшительно-ласкательными и уничижительными) суффиксами: *амбар* → *амбаришко*, *арбуз* → *арбузец*, *брага* → *бражка*, *кафтан* → *кафанишко*, *сапоги* → *сапожонки*, *сундук* → *сундучок*, *тесьма* → *тесемочка* и др.

Следующей и достаточно частотной может быть словообразовательная модель «существительное → отсубстантивное прилагательное». В составе данной модели адъективное производное осложняется суффиксами *-н(ый)/-ин(ый)*, *-ий*, *-ов(ый)* с разными словообразовательными значениями: 'сделанный из чего-либо', 'относящийся к чему-либо', 'предназначенный для чего-либо', 'принадлежащий чему/кому-либо': *амбар* → *амбарный*, *артоул* 'передовой разведывательный отряд' → *артоульный*, *барыш* – *барышный*, *булат* → *булатный*, *зендянь* 'хлопчатобумажная ткань' → *зендяниный*, *зуфь* 'шерстяная ткань' → *зуфный*, *кутня* 'бухарская ткань' → *кутняной*, *лошадь* → *лошадиный*, *обьярь* 'плотная шелковая ткань' → *обьяринный* 'сделанный из обьяри', *палач* → *палачев*, *толмач* → *толмачев*, *пенька* → *пеньковый*, *сафьян* → *сафьянный*, *фетиль* 'фитиль' → *фетильный*, *чулан* → *чуланный* и др.

Интерес представляет крайне нераспространенная модель «существительное → отсубстантивный глагол» в составе двучленных рядов типа *бархат* → *бархатити*. В данной модели глагол с суффиксом *-и*, мотивированный именем, означает действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным. Так, глагольная форма *бархатить*, образованная от наименования особой ворсистой ткани *бархат*, используется в специализированном значении 'вышивать выпуклым рисунком' и регистрируется в деловом памятнике начала XVI в.: *Да вошва на серебре бархочена элотом да шелком*. Дух. и дог. гр., 350.1503 г. (Сл РЯ XI – XVII вв., вып. 1, с. 75).

Трехчленные ряды довольно разнообразны по словообразовательным моделям, и самой распространенной среди них оказалась «существительное → отсубстантивное существительное → отсубстантивное прилагательное». Первое производное в этом ряду является наименованием лица, второе – наименованием признака, выражающего принадлежность этому лицу: *армяк* → *армячник* → *армячников*, *барыш* → *барышник* → *барышников*, *казна* → *казначей* → *казначеев*, *кафтан* → *кафтанник* → *кафтанников*, *кирпич* → *кирпичник* →

кирпичничий, книга → *книжник* → *книжников*, *колпак* → *колпачник* → *колпачников*, *сапог* → *сапожник* → *сапожников* и др.

В составе трехчленных рядов представлены также модели типа «существительное – отсубстантивный глагол – отглагольное существительное» с общим отвлеченным значением последнего звена: *алмаз* → *алмазители* ‘шлифовать (о драгоценных камнях)’ → *алмаженье*, *баламут* ‘смутьян’ → *баламутители* ‘вносить раздор, сеять смуту’ → *баламутство*, *вор* → *воровать* → *воровство*, *сеунч* ‘радостная весть’ → *сеунчевати* → *сеунчество* ‘сообщение’, *толмач* ‘переводчик’ → *толмачители* → *толмачество*; «существительное → отсубстантивное существительное → отсубстантивный глагол»: *боярин* → *боярство* → *боярствовать* и др.

Многочленные ряды встречаются в исследуемых материалах редко: *алмаз* → *алмазители* → *проалмазители* → *проалмаживати*, *барыш* → *барышник* → *барышничати* → *барышничество*, *брага* → *бражник* → *бражничати* → *бражничество*, *бусурман* → *бусурманители* → *обусурманители* → *обусурманиться*. Как правило, ориентализмы, выступающие в качестве производящих основ многочленных рядов, характеризуются функциональной активностью в исследуемый период и могут быть представлены в составе двучленных и трехчленных рядов. Прежде всего это лексемы *алмаз*, *барыш*, *боярин* и др., относящиеся к числу довольно прочно освоенных заимствований в русском языке анализируемого периода.

В качестве производящей основы в анализируемых словообразовательных рядах выступают различные существительные от предельно конкретной (*артоул* ‘передовой отряд’, *бирюза*, *пенька*, *сафьян*) до отвлеченной семантики (*барыш* ‘прибыль’, *сеунч*), реже – наименования лиц (*боярин*, *бусурман*, *палач*) или животных (*барс*, *слон*) и др.

Среди производных существительных в составе словообразовательных рядов выделяются эмоционально-оценочные образования, наиболее яркие из которых осложнены суффиксом *-к-* и его производными – *-ик*, *-ок*, *-чик*, *-ец*, *-очк*, выражающими в сочетании с производящими основами своеобразную уменьшительность: *бирюзка*, *колымажка*, *стаканчик*, *тазик*, *ярлычок*, *яхонтец*. Подобные демуниативы характерны для деловых памятников XVI–XVII вв., а также текстов эпистолярного жанра (грамотки, частная переписка), представляющих собой разновидность народно-разговорной речи. Ср.: *цата золота с яхонты да с бирюзками* (Сл. Каз. кр. XVI, с. 23), *тазикъ серебрянои* (МДБП, с. 189).

Встречаются примеры употребления дериватов с уменьшительно-ласкательным значением (*арбузец*, *бражка*, *тесемочка*): *пива наварим, брашки насидим* (Калязин. чел., с. 68), *Да при(шли) ко мнѢ тесемочку бѢленькую шелковую на узду* (Переп. Хован., с. 307). Кроме того, в исследуемых памятниках выявлены дублетные формы, где часто представлена синонимия производящего и производного: *балаган* ‘легкая плетеная постройка, шалаш’ → *балаганец*, *ферезь* ‘вид кафтана’ → *ферезец*, *серьга* → *серезка* и др. Ср.: *балаганецъ здѢлавъ, огонь курили* (Ав. Ж., с. 181). Любопытно, что у некоторых отсубстантивных производных произошла лексикализация значения. Так, дериват *кафтанец* приобрел значение ‘суженный и укороченный кафтан’: *Кафтанец твои*

зелюнои ... изволиши ли ты к себе прислат (Переп. Безобразова, с. 116), а производное **меринок** – ‘небольшой или молодой мерин (холощенный жеребец)’: *на конюшенном дворе: два конишка, да меринок, и меринков всяких двенатцать* (Сл. Каз. кр. XVII, с. 110).

Эмоционально-оценочные образования на *-ишко* с уменьшительно-уничжижительной маркированностью встречаются в исследуемых текстах гораздо чаще при наименовании предметов (**кафтанишко**), реже для обозначения лиц (**воришко**), животных (**лошадишко**), отвлеченных понятий (**кабалаишко**), и они, как правило, формируют двучленные словообразовательные ряды. Данные производные частотны в таких видах деловой письменности, как челобитные или частная переписка (грамотки). Употребление уменьшительно-уничжижительных дериватов в эпистолярном общении людей, неравноправных в социальном плане, объясняется этикетным характером написания такого рода писем, в которых просьба к адресату о чем-либо сопровождается описанием тяжелого положения просителя и, соответственно, наименование просимого употребляется в уменьшительно-уничжижительной форме. Ср.: *Прикажи, государь, по кабаишкамъ моимъ на своихъ полчанахъ взять деньги и отдать людишкамъ моимъ* (Переп. Хован., с. 353).

В исследуемых текстах также можно обнаружить отсубстантивные производные с формантом *-ник* при наименовании лиц мужского пола в обобщенном значении ‘название лица по профессии’: **алмазник** ‘шлифовальщик драгоценных камней’, **баимачник** ‘сапожник’, **бумажник** ‘тот, кто изготавливает бумагу’, **кирпичник** ‘тот, кто изготавливает кирпичи’, **нагарник** ‘тот, кто играет на нагаре’, **тафейник** ‘тот, кто шьет тафьи и продает их’. Ср.: *нагарниковъ 10 человекъ, да свирьльниковъ 10 человекъ* (Х. Афан. Никит., с. 17), *Иванко тафейник* (Слов. Каз. кр. XVI, с.138). Здесь же можно отметить омонимичные формы на *-ник* для обозначения предметов: **бумажник** ‘стеганный ватный тюфяк’: *А постлали подъ подъ постелю тридевятъ сноповъ ржанныхъ, а наверхъ того семь перинъ и бумажниковъ.* (Чин бракосочет. ц. Мих. Фед.). СГГД, III, 287. 1620 г. (Сл. РЯ XI – XVII вв., вып. 1, с. 354), **бумажник** ‘сумка для бумаг и денег’: *и тотъ бумажникъ съ писмами отнял.* АХУ, III, 213. 1639 г. (там же). Параллельно с омонимичными образованиями на *-ник* выступают синонимичные однокоренные наименования лиц мужского пола на *-чик/-щик*: **алмазник** – **алмазчик**, **кирпичник** – **кирпитчик**. Как считает Ю.С. Азарх, в старорусский период наблюдается рост отсубстантивных наименований лиц на *-ник* и в этот же период завершается процесс вычленения указанного суффикса у наименований лиц [7, с. 100–101].

Единичный характер носит образование на *-иха*, являющееся наименованием самки животного: **барс** → **барсиха** ‘самка барса’, выявленное в Хожении Василия Гагары: *Да во Египтъ же арапы купятъ гнЪздами барсы <...> и барсиха всегда восхотЪша съ нимъ пастися* (Х. Вас. Гаг., с. 29). Вообще подобные производные единичны в XVII веке. Форма на *-иха* становится продуктивным средством словообразования в языке нового времени (воробьиха, слониха).

В анализируемых источниках отмечаются дериваты с модификационным значением лица женского пола на *-иха* от наименования лица мужского пола (**бобыль** → **бобылиха**, **вор** → **вориха**), которые в исследуемый период (прежде

всего в XVI – XVII вв.) вступают в синонимичные отношения с наименованиями лиц других словообразовательных моделей. Так, дериват *бобылиха* ‘жена бобыля’ является синонимом к производным *бобылка*, *бобылица* в том же значении; а отсубстантивное образование *вориха* ‘преступница’ становится синонимичным деривату *воровка*. Ср.: *Во дв<оре> вдова Марьица бобылиха*. Ряз. п.кн.П. 485 1597 г., *дано жнецамъ бобылицамъ, дватцати женкамъ <...> дватцат<ь> алтнъ*. Кн. прих. расх. Соф., 7 об. 1600 г. (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 1, с. 254), *и мать его, вориху Маринку, называли государынею*. Посольство Леонтьева, 236, 1616 г. (Сл. РЯ XI – XVII вв., вып. 3, 1976, с. 29), *в царской отчине в Астрахани был Ивашико Зарутцкой и воровка Маринка с сыном*. Гр. Хив. Бух., 119. 1619 г. (там же, с.30).

Наиболее продуктивным средством образования отсубстантивных прилагательных в привлекаемых к исследованию источниках является суффикс *-н(ый)* и его вариант *-ин(ый)*, характеризующий различные виды отношений к предмету: 1) сделанный из чего-либо (*жестяной, изумрудный, кумачный, объяринный, сафьянный*); 2) предназначенный для чего-либо (*вьючный, лошадиный*); 3) относящийся к чему-либо (*колымажный, фетильный*). Ср.: *наполнившие возы вьючныя бремяна тяжкая* (Каз. ист., с. 90), *ларчик жестенои малинкаи* (Грамотки, с.41), *колымажные ворота тройные*. Заб. Дом. быт, I, 602. 1682 г. (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 7, с. 255), *Толко велми кормом лошадиным изпроелися* (Грамотки, с. 122), *кафтаны озямные... кумачные и кутняные* (Х. Котова, с. 54), *одеяла... загривокъ насыпной объяринной* (МДБП, с. 190) и др. Любопытно, что наименования разнообразных тканей стали самой многочисленной лексико-тематической группой в ряду существительных с предметным значением, послуживших основой для образования отсубстантивных прилагательных в составе двучленного деривационного ряда (*зендяниный, зуфный, кутняной* и др.).

При помощи форманта *-ск-* образованы адективные производные, мотивированные заимствованными существительными со значением лица: *атаман* → *атаманский*, *боярин* → *боярский*, *хан* → *ханский* и др. В этой связи Э.А. Балалыкина, рассматривая историю русского адективного словообразования, утверждает: «Способность суффикса *-ск-* обслуживать значение лица чрезвычайно показательна, поскольку является отголоском древних отношений, связанных с первоначальной недифференцированностью имени и признака» [11, с. 127].

Единичны адективные производные с суффиксом *-ов-*, который, как известно, искони выражал притяжательное значение и присоединялся к наименованиям лица (*нурадынов, палачев, салтанов/султанов*) и животных (*барсовый, слоновый*). Ср.: *В султанов же дворъ 7-ры ворота, а в воротѣх сѣдят по 100 сторожевъ* (Х. Афан. Никит., с. 17), *и на них [копьях] вмѣсто знамя были хвосты барсовые великие*. Спафарий. Китай, 257. 1678 г. (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 1, с. 74). Любопытно, что адективное производное *слоновый* выступает в двух значениях: ‘относящийся к слону, как у слона’: *а носъ слоновъ* (Х. Афан. Никит., с. 18) или ‘сделанный из слоновой кости или украшенный слоновой костью’: *Фунт гребеней слоновых*. Кн. 26, л. 412. 1634 г. (Сл. Мангаз. пам., с. 464), *не на одрѣхъ слоновыхъ почивати ученикомъ своимъ приказалъ* (Ав. Кн. бес., с. 255). Довольно редки дериваты с суффиксом *-ов* на базе слов с предмет-

ной семантикой – *алмазовый*: *камышки алмазовые*. Кн. прих.-расх. каз. пр., 43. 1614 г. (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 1., с. 30), *пеньковый*: *да пеньковая веревка ему во мзду дана будеть* (Юдифь, с. 106.). Данные адъективы, как правило, формируют двучленные словообразовательные ряды.

Группа притяжательных прилагательных на *-ов* типа *армячников*, *барышников* и др., образованная от наименований лица, представлена последним звеном в трехчленном словообразовательном ряду (*армяк* → *армячник* → *армячников*, *барыш* → *барышник* → *барышников*). Например: *М<Ъсто> Харинское барышниково*, *м<Ъсто> Игнатъевское овчинниково*. Новг. лав. кн., 185. 1583 г. (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 1, с. 76).

Отсубстантивные глагольные производные в составе словообразовательных рядов редки и формируют, прежде всего, трехчленные ряды (*басма* → *басмити* ‘наносить рисунок тиснением’ → *набасмити*; *дуван* ‘добыча’ → *дуванити* ‘делить добычу, жалованье’ → *раздуванити* ‘присвоив, разделить’; *кабала* ‘форма личной зависимости, кабальное холопство’ → *кабаливати* ‘обращать в кабального холопа’ → *прикабаливати*; *толмач* ‘переводчик’ → *толмачити* ‘переводить устно’ → *протолмачити* ‘перевести’) и многочленные ряды. Образуются указанные глаголы от заимствованных имен с помощью следующих суффиксов: *-и-* (*алмазити*, *бархатити*), *-а-* (*барышничать* ‘посредничать в торговле’), *-ова/ева-* (*воровати*, *сеунчевати* ‘сообщать радостную весть’), *-ива-* (*кабаливати*). Ср.: *и поскочиша ко звЪрю сеунчевати* (Курб. Ист., с. 307), *И отец ево, Данилка, сильно не кабаливал, бил челом он, Данилко, мне, холопу твоему, с воли в Орзамасе*. Д. холоп., 559. 1651 г. (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 7, с. 7).

Таким образом, словообразовательный ряд стал показателем освоенности восточных заимствований в русском языке исследуемого периода. Чем экзотичнее заимствуемая лексема, тем менее ярко проявляются ее словообразовательные возможности. С другой стороны, чем глубже вхождение заимствованного слова в языковую систему, тем длиннее словообразовательный ряд. Самыми многочисленными оказались двучленные ряды, представленные двумя основными моделями, носящими регулярный характер. И наоборот, трехчленные ряды, будучи разнообразнее по моделям, характеризуются относительной нерегулярностью. Исходным словом в приведенных словообразовательных рядах являются заимствованные существительные, что предопределило качество производных в составе словообразовательных рядов, представленных отсубстантивными дериватами (существительными, прилагательными и редко вербальными производными), образованными в подавляющем большинстве суффиксальным способом. Обнаруженные модели словообразовательных рядов (двучленные, трехчленные и многочленные) в зависимости от количества входящих в их состав производных на базе восточных слов дают возможность не только представить своеобразие функционирования восточных заимствований в русском языке определенного хронологического периода, но и отобразить фрагмент картины словообразовательной системы в истории русского языка, так как «заимствования, попадают в ту сферу функционирования языка, которые отражают наиболее продуктивные явления, происходящие в нем» [4, с. 272].

Summary

G.Kh. Gilazetdinova. Derivative Lines on the Base of Eastern Loan-Words in the Language of Old-Russian Period.

The article deals with the derivative potency of eastern loan-words in the Russian language of Old-Russian period (15–18th centuries). Different derivative activity of oriental words caused by the specifics of the loan-words and the adaptation potency of the receiving language is distinguished as well. Derivative lines of derivative words are shown as derivation models. These lines mark the level of derivation activity of the studied loan-words.

Key words: eastern loan-words, Old-Russian period, derivative lines, derivation models.

Источники

- Ав. Ж. – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1673 гг.) // Памятники истории старообрядчества XVII века. – Л.: АН СССР, 1927. – Кн. I, вып. I. – Стлб. 1–240.
- Ав. Кн. бес. – Аввакум. Книга бесед (1669–1675 гг.) // Памятники истории старообрядчества XVII века. – Л.: АН СССР, 1927. – Кн. I, вып. I. – Стлб. 241–424.
- Ав. Кн. толк. – Аввакум. Книга толкований (1677 г.) // Памятники истории старообрядчества XVII века. – Л.: АН СССР, 1927. – Кн. I, вып. I. – Стлб. 425–576.
- Грамотки – Грамотки XVII – начала XVIII века (1629–1709 гг.) / Под ред С.И. Коткова. – М.: Наука, 1969. – 415 с.
- Ив. Пересветов – Сочинения И. Пересветова (XVI в.) / Подг. текста А.А. Зимина; под ред. Д.С. Лихачева. – М.-Л.: АН СССР, 1956. – С. 123–274.
- Каз. ист. – Казанская история (1564–1565 гг.) / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: АН СССР, 1954. – 194 с.
- Каляз. чел. – Калязинская челобитная // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов, ст. и ком. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: АН СССР, 1954. – С. 65–69.
- Курб. Ист. – История о великом князе Московском (XVI в.) // Сочинения князя Курбского. – СПб., 1914. – Т. I. – Стлб. 161–354.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С.И. Котков, А.С. Орешникова, И.С. Филиппова. – М.: Наука, 1968. – 338 с.
- Переп. Безобразова – Памятники русского народно-разговорного языка XVII века (из фонда А.И. Безобразова) / Изд. подгот. С.И. Котков и Н.И. Тарабасова. – М.: Наука, 1965. – 162 с.
- Переп. Мих. Фед. – Переписка царя Михаила Феодоровича (1619–1631 гг.) // Письма русских государей и других особ царского семейства. – М., 1848. – Т. 1. – С. 9–298.
- Переп. Хован. – Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (XVII в.) // Старина и новизна. – М., 1905. – Кн. 10. – С. 283–462.
- Сл. Каз. кр. XVI – *Исламова Э.А., Галиуллин К.Р.* Казанский край: Словарь памятников XVI века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 286 с.
- Сл. Каз. кр. XVII – *Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р.* Казанский край: Словарь языка памятников первой четверти XVII века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 276 с.
- Сл. Манг. пам. – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / Сост. Н.А. Цомакион. – Красноярск: КГПИ, 1971. – 581 с.
- СЛРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII веков. Вып. 1–27. – М.: Наука, 1975–2006.
- Х. Афан. Никит. – Хожение за три моря Афанасия Никитина (1466–1472 гг.) – М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 284 с.

- Х. Вас. Гаг. – Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары (1634–1637 гг.) // Православный палестинский сборник / Под ред. С.О. Долгова. – СПб., 1891. – Т. 11, вып. 3. – С. 1–45.
- Х. Котова – Хождение купца Федота Котова в Персию (1624 г.) / Публикация Н.А. Кузнецовой. – М.: Изд-во вост. лит., 1956. – С. 25–60.
- Юдифь – Иудифь (1674 г.) // Тихонравов Н. Русские драматические произведения 1672–1725 гг. – СПб., 1874. – Т. I. – С. 76–203.

Литература

1. *Бурганова Л.С.* Словообразование имен прилагательных от тюркских заимствованных (на материале памятников русской деловой письменности XVI – XVII вв.) // Русское сравнительное и сопоставительное словообразование: Материалы III науч. конф. по теории истории и русского словообразования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – С. 98–101.
2. *Умурзакова А.Ж.* Тюркизмы в словообразовательной системе русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-ата, 1982. – 18 с.
3. *Юналеева Р.А., Гатаулина Р.Г.* О словообразовательной продуктивности тюркизмов в русском языке // Сов. тюркология, 1985. – № 5. – С. 11–17.
4. *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI – XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. – М.: Наука, 2001. – 409 с.
5. *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 147–180.
6. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 354 с.
7. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
8. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Заметка об изменяемости основ склонения в особенности же об их сокращении в пользу окончания. – Варшава: Тип. Учебного округа, 1902. – 15 с.
9. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 152 с.
10. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т.1. Словообразовательные гнезда. А – П. – М.: Рус. язык, 1990. – 856 с.
11. *Балалыкина Э.А.* Русское адъективное словообразование на балто-славянском фоне. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 272 с.

Поступила в редакцию
07.11.08

Гилазетдинова Гелиня Хайретдиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.
E-mail: ggilaz@mail.ru